

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-136-140

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 94(47)

Дата поступления: 15.10.2020
рецензирования: 10.11.2020
принятия: 27.11.2020

В.В. Бабашкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Каждый из нас по-своему Сазонов. Рецензия на книгу: Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова. Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 440 с.

Аннотация: Отмечен существенный вклад автора книги в развитие такого жанра исторической литературы, как политическая биография. Дана высокая оценка качества русского языка, которым написана монография. Приводятся критические замечания по поводу ряда оценочных суждений, которыми автор пытается запечатлеть личность главного героя книги.

Ключевые слова: народничество, марксизм-ленинизм, антикоммунизм, консерватизм, крестьянская община, земельная собственность, капитализм.

Цитирование. Бабашкин В.В. Каждый из нас по-своему Сазонов. Рецензия на книгу: Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова. Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 440 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 136–140. DOI: <http://doi.org/10/12287/2542-0445-2020-26-4-136-140>.

Благодарности: Работа выполнена в рамках госзадания НИР РАНХиГС при Президенте РФ.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Владимир Валентинович Бабашкин** – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 82.

REVIEW

Submitted: 15.10.2020
Revised: 10.11.2020
Accepted: 27.11.2020

V.V. Babashkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Each of us is Sazonov in his own way. Book review: Zverev V.V. Experience of political biography of G.P. Sazonov. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019, 440 p.

Abstract: The author of the book has made a significant contribution to the development of such a genre of historical literature as political biography. The quality of the Russian language used in the monograph is highly appreciated. Though a number of summary assessments which the author applies to characterize the personality of the central figure of the book involve some criticism.

Key words: populism, Marxism-Leninism, anti-communism, conservatism, peasant community, land ownership, capitalism.

Citation. Babashkin V.V. Each of us is Sazonov in his own way. Book review: Zverev V.V. Experience of political biography of G.P. Sazonov. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019, 440 p. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 136–140. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-136-140>. (In Russ.)

Acknowledgments: The work was carried out within the frames of the state assignment of the research of RANEPa under the President of the Russian Federation.

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© **Vladimir V. Babashkin** – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor, Department of Political and Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadskogo Avenue, Moscow, 115571, Russian Federation.

Да, я позаимствовал строчку для заголовка этой рецензии у Маяковского из «Хорошего отношения к лошадям». Причем я знал, что поступлю так, задолго до того, как завершил неторопливое чтение книги прекрасного историка Василия Васильевича Зверева про Георгия Петровича Сазонова. Книга написана именно для неторопливого чтения и помимо фактов политической (и не только) биографии этого деятеля содержит интереснейшие размышления автора о сущности профессии историка, о целях и смысле его работы, о том, как не изменить своему призванию, своей миссии, даже если в объективе исторического исследования находится столь малосимпатичная самому автору фигура, как Георгий Петрович.

«Каким простым и привычным кажется начало обычной научной работы, – пишет Зверев. – Обоснуй актуальность, укажи на объект и предмет исследования (только ни в коем случае не перепутай их), дай обзор источников и литературы, ну а дальше – дуй до горы, как говаривал М.М. Зощенко. Великая вещь традиция: уложился в устоявшиеся правила и нормы – и можешь быть уверен, что тебя услышат, даже если твои мысли и не представляют большого интереса и значимости. Как принято говорить сегодня, “ты в тренде”. Что такое этот самый “тренд” и зачем надо “трендеть”, не могу понять, хоть убейте» (с. 341, здесь и далее указаны страницы рецензируемой книги). Сам историк в этом своем произведении действует как настоящий разрушитель традиции: ни актуальности, ни объекта, ни предмета (если только не сказать, что объект – Сазонов, а исследуется на предмет того, политик он был или просто подышать выходил), ни явных попыток поймать попутный ветер тренда.

Хочу попробовать доказать, что все это в рецензируемом издании присутствует в лучшем, хотя и нетривиальном, виде. Доказательство поведу от противного. Мне Г.П. Сазонов очень понравился – наверняка, к немалому удивлению В.В. Зверева, который нет-нет, да и не удержится, подвесит своему герою обманщика, проходимца и т. п. (с. 371, 424). А я читал, стараясь не пропустить ни словечка, и мое хорошее отношение к Сазонову с каждым прочитанным очерком только укреплялось – откуда и потребность в таком вот заголовке рецензии на эти биографические очерки.

Актуальность жизнеописания данного деятеля как раз в том, что оно минует оба главных тренда современной позитивной историографии, к коим я отношу научный коммунизм и рыночный либерализм. С первым понятно: если уж сам Ленин окрестил Сазонова «полицейским народником» (с. 10), то таким типам в советской историографии было не место. Со вторым еще понятнее. В антисоветской, антикоммунистической историографии, наиболее яркими адептами которой в русскоязычном интеллектуальном пространстве в одночасье сделались многие блюстители марксистско-ленинской чистоты нашей исторической литературы (комплекс

неофита), консервативный народник – персона самая что ни есть нон грата. А Зверев совершенно резонно причисляет своего героя к этой категории: «... он – консервативный народник, то есть сторонник альтернативной модели развития, исключающей рыночное ведение хозяйства, но предполагающей опору на сильную власть. В России, по его убеждению, ее единственно возможной формой могло быть только полновластие определенного лица, опирающегося на поддержку Земского собора, наделенного законосовещательными функциями. В целом его система взглядов представляла собой причудливое сочетание славянофильских заимствований и народнических идей отнюдь не радикального толка, почерпнутых еще в годы ранней юности» (с. 283–284).

Лично я до сих пор пребываю в глубоком убеждении, что именно эта модель развития и реализовалась в СССР к середине 30-х гг. Но такое можно углядеть в нашей новейшей истории, только абстрагировавшись от идеологической шелухи об их упомянутых «трендах». Где-то к этому времени и относится не установленная точно дата смерти главного героя рецензируемой книги. Ну разве не счастливая доля? Увидеть еще при жизни торжество идей общественного устройства, которым был предан всю жизнь, которые отстаивал исключительно напористо и энергично. В книге приводится немало интересных примеров, свидетельствующих об этих последовательности и напоре Сазонова.

Похоже, Сазонову дважды крупно повезло. Во-первых, в его политической биографии явственно прочитывается: вся его жизнь состояла из мелких и серьезных везений и счастливых стечений обстоятельств, чему в немалой степени способствовали его трудолюбие на поприще обществоведения и энергичность политика среднего звена, которому, может быть, и хотелось бы прыгнуть выше, однако и «малые дела» вполне обеспечивали ощущение собственной значимости. Во-вторых, ему, конечно же, повезло с биографом. Ему так мечталось остаться в памяти благодарных потомков, что он не жалел сил на составление мемуаров. Парадокс, но даже тот факт, что ему не удалось их опубликовать в советское время, для него – счастливый случай. Ну, не владел человек (в отличие от своего биографа) хорошим русским языком – тем самым, который, будучи «правдивым и свободным», не позволяет лгать даже в мелочах без ощущения фальши всего текста. В.В. Зверев, хорошо знакомый с рукописью мемуаров, регулярно подлавливает своего героя на фальши, лжи и гипертрофии собственной значимости. Думаю, публикация таких мемуаров только повредила бы мечте Сазонова остаться светлым образом в памяти грядущих поколений. Да, это, повторюсь, совершенно исключал и тот «тренд», что надолго был задан «Кратким курсом истории ВКП(б)» – не говоря уже о противоположном «мейнстриме» дня сегодняшнего.

А вот книга Зверева о Сазонове – совсем другое дело. От чтения ее человеку, интересующемуся событиями и фигурантами российской истории конца XIX – начала XX в., оторваться невозможно. Автор, правда, слегка кокетничает в заключительном абзаце: «...Вопросами начинал, вопросами заканчиваю. Но это все-таки лучше, чем ставить “каверзный ответ”, не находя так нужного вопроса. В конце концов, любая книга обладает уникальным свойством – ее в любой момент можно захлопнуть, если автор утомил или пропало желание читать дальше» (с. 426). Нет, я захлопнул, только прочитав эти последние строчки, взволнованно понимая, что для меня «продолжение следует», поскольку я нашел в этой книге отличный материал к ответам на давно мучающие меня вопросы. Некоторые из них я сформулирую ниже, хотя предвижу несколько удивленную реакцию автора: да разве ж, мол, об этом я писал. Но уж тут извините, Василий Васильевич, книгу Вы писали неспешно и, что называется, от души, в результате главный ее герой получился многомерный и многогранный. Поэтому каждый читающий найдет там своего Сазонова, по-своему воспринимая те или иные «загогулины» его политической биографии.

Вот такой вопрос: насколько хорошо осознавались в высшем эшелоне царской администрации в конце XIX в. катастрофические последствия крестьянской реформы для России? Было ли глубокое понимание того, что 1861 год, по известному ленинскому выражению, породит 1905-й? Вопрос, поиски ответа на который жестко форматируют общий теоретический взгляд на характер развития событий в пореформенное сорокалетие и в первые, революционные, десятилетия XX в. И по такому принципиальному вопросу мы находим весьма интересную информацию, знакомясь с историей публикации Г.П. Сазоновым в 1889 г. книги «Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой».

Здесь Сазонов сформулировал и обосновал свое общественно-политическое кредо, которого, похоже, неукоснительно придерживался как минимум на протяжении трех последующих десятилетий. Увидел ли он торжество этой идеологии в принятом в октябре 1922 г. «Земельном кодексе РСФСР»? Надеюсь, да. Хотя документальных подтверждений этого на страницах рецензируемого научного издания не приводится. Да их и быть не могло. В нэповской России говорить и писать о таком было уже небезопасно. Напротив, герою биографических очерков приходилось убеждать власти (и, по-видимому, самого себя) в том, что он всегда исповедовал республиканские убеждения (с. 420–421). Это, наверное, из-за превратного понимания расшифровки последнего «Р» в аббревиатуре нового названия государства. Но без этого нельзя было оказаться в тогдашнем «тренде», к чему Сазонов стремился с целью поставить свой ум и талант (о которых он был высоко-

го мнения) на службу родному государству. Разве не похвальное желание для пожилого уже человека? Тем более что отказ от развития капитализма в главном секторе экономики страны, крестьянском хозяйстве, составлял едва ли не главное в том самом кредо, что было сформулировано в «Неотчуждаемости крестьянских земель».

История с публикацией этого исследования меня очень заинтересовала, и В.В. Зверев приводит в этой связи важную информацию касательно общественно-политических убеждений некоторых влиятельных государственных сановников. Правда, сам Зверев в очерке «На научной стезе и на государственной службе» делает акцент не столько на первом, сколько на втором. Сазонов «использовал науку и журналистику для продвижения по карьерной лестнице, – подчеркивает историк. – Что из этого вышло, я и попытаюсь рассказать, параллельно вникая в хитрую механику государственной машины, нравов и порядков, царивших в бюрократической среде времени правления “царя-миротворца” Александра III и его наследника, ранее известного как Николай Кровавый, а ныне причисленного к лику святых» (с. 160). Я намеренно привел эту цитату, чтобы лишний раз показать, каким замечательным русским языком написана книга о Сазонове, а заодно и еще раз подчеркнуть, как пресловутые «тренды» мешают уловить какие-то важные вещи в истории.

Теоретическое содержание «Неотчуждаемости крестьянских земель» ждет своего внимательного исследователя и, надеюсь, очень скоро дождется. Но эти идеи нашли живой отклик у некоторых весьма высокопоставленных государственных чиновников. Так, Сазонов обрел влиятельного покровителя в лице правителя канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухина, который рекомендовал ему не идти на компромисс с В.К. Плеве, требовавшим сделать «значительные купюры» при подготовке книги к публикации. «По утверждениям Сазонова, – пишет В.В. Зверев, – Пазухин заинтересовал этими идеями и министра внутренних дел Д.А. Толстого. Было даже решено, что летом 1889 г. в рязанском имении графа Пазухин, Янковский и Сазонов разработают основы государственной политики в хозяйственной жизни страны, а осенью Толстой “начнет войну с Вышнеградским”. Но реализовать задуманного не удалось: весной, перед самым отъездом в имение, графа разбил паралич, и он умер» (с. 167).

Через эту свою монографию Сазонов вызвал живой интерес и стяжал покровительство также столь значимого «фигуранта» российской политической истории, как К.П. Победоносцев – обер-прокурор Синода, наставник и ближайший советник Александра III. Блоковский образ «совиных крыл», которые Константин Петрович простер над Россией, благополучно перекочевал на уровне учебных пособий из советского «тренда» в постсоветский, что лишний раз свидетельствует о глубинном единстве их обоих как двух раз-

новидностей теории прогресса. Однако политическая биография Сазонова актуализирует осмысление и этого исторического деятеля. Для Сазонова это был высочайший авторитет, и В.В. Зверев приводит обширные цитаты из его рукописных мемуаров в подтверждение этому. Там, к примеру, названы «проникновенными мысли его [Победоносцева] о земельном строе нашего народа, о великом значении общины как первоосновы государственности, о неразрывности крестьян с землею, об опасностях сделать землю рыночным товаром, а земледельца обратить в пролетария». Это писалось еще до 1917 г.

А в черновых набросках своей биографии, относящихся к началу 1930-х гг., Сазонов не побоялся написать о нем так: «Чересчур известен в общественных слоях как реакционер, обер-прокурор Синода. Этот яркий красочный лик затемнил второе лицо. Почти неизвестное. Глубочайший государствовед. Творения его в этой области... бесмертны. Глубинность, проникновенность интуиции изумительны. Мало зная малоизвестное крестьянство, возвысился до понимания основ и нужд народного строя, как никто другой. Естественно, почувствовал удовлетворенность, встретив в “Неотчуждаемости” подобную своей идеологию. Но обоснованную не теоретическими соображениями, а точными многочисленными фактами из самой толщи, из глубин народной жизни...» (с. 170–171).

Таковыми фактами Сазонов располагал в изобилии, черпая их не столько в исторической литературе, сколько в самой жизни народной глубинки, в исследовании которой был неутомим. Уже к началу 1880-х гг. он – достаточно известный специалист по изучению артелей. Разъезжал по стране при финансовой поддержке А.И. Кошелева, представляя своему меценату регулярные отчеты о результатах своих поездок, причем «сбор сведений был организован вполне профессионально и продуманно» (с. 105). Особо следует сказать, что приходилось ему серьезно вникать в дела пореформенной крестьянской общины. «Дело о Шахматовой пустоши» читается просто как документальный детектив (с. 107–124). Князь В.А. Щербатов почти двадцать лет получал со своих бывших крепостных арендную плату за 16 тыс. десятин земли, пока осенью 1880 г. не выяснилось, что земля эта принадлежала крестьянам. Князь пустился во все тяжкие, пытаясь по суду доказать, что это не так. Сазонов же в роли поверенного по крестьянским делам убежденно, энергично и, я бы сказал, отважно защищал крестьянский интерес. Не по-княжески повел себя князь, шкурно, мелочно, и судьба его наказала так, что не приведи господи. Причем он сам это воспринимал так, что именно за это.

Много стало появляться таких дворян в пореформенное время. Но были и другие. В Порховском уезде Псковской губернии помещик Пантелеев пожертвовал миллион рублей на то, что-

бы крестьяне досрочно выкупили в частную собственность полагающиеся им по реформе наделы. Вольное Экономическое общество заинтересовалось этим опытом, чтобы лучше понять, «насколько соответствует выкупное начало интересам народа. Что даст право собственности на землю?» (с. 172). Сазонов был командирован Обществом для прояснения положения дел, за два месяца исколесил весь уезд и обнаружил, что, действительно, щедрый жест Пантелеева дал возможность крестьянам 294 селений выкупить свыше 9 тыс. наделов. Но слишком многие из них впоследствии потеряли землю в результате ростовщических операций, спились, разорились.

Все эти сведения Сазонов опубликовал в большой книге под названием «Земельная собственность в Порховском уезде», полагая их отличным доказательством опасности того направления аграрного развития, контуры которого все явственнее определялись как следствие крестьянской реформы. Он и здесь предпринял попытку, причем успешную, ходатайствовать в интересах 60 тыс. крестьян, чья земельная собственность была заложена в банк и вот-вот должна была уйти с аукциона. Обратился напрямую в Канцелярию прошений Александра III. Государь остановил аукцион, якобы сказав при этом: «Земля дана народу не для пьянства и не для того, чтобы ростовщики завладели ею» (с. 174). Позднее, в январе 1891 г. Сазонову удалось передать эту книгу в дар самому царю. Документально зафиксировано, что дар был принят благосклонно. В этой связи возникает риторический вопрос в развитие сформулированного выше методологического: не слишком ли мрачными тонами привычно мы рисуем себе образ царя-«конрреформатора»?

На эти мои вопросы ответ у В.В. Зверева и в самом деле прочитывается довольно «каверзный». Историк вообще не использует мрачных красок или оценочных суждений, набрасывая контуры тех известных государственных деятелей века XIX, без которых политическая биография его главного героя не пишется. При желании можно, конечно, углядеть отрицательные обертоны в том, что автор нет-нет да и начнет читать Сазонову мораль. С червоточницей, мол, был человек, а стало быть, и все его симпатизанты и благодетели не без греха. Но лично у меня такое желание начисто отсутствует. Да и сам автор, поймав себя на «морализаторстве», тут же себя и одернет: а кто без греха? (напр., с. 371). У меня скорее ощущение стокгольмского синдрома: однажды Зверев решил «припрячь подлеца», разоблачить карьериста, проходимца и «черносотенца», но со временем все больше попадал под влияние своего героя, сам того пугаясь и стараясь прикрыть это моральными сентенциями.

То Черчиллю, то Дизраэли приписывают слова о том, что, кто в молодости не был либералом, у того нет сердца; кто не стал консерватором к шестидесяти, у того нет мозгов. Я к своему возрасту

давно уже исповедую жесткий исторический детерминизм по Гегелю: все действительно – разумно. А по народной пословице: «Что Господь ни делает – все к лучшему». И если консервативный народник Г.П. Сазонов много лет спустя после своей кончины выбрал из историков-профессионалов такого мастера, как В.В. Зверев, в заложники – для многолетней работы над этой политической биографией, тут опять очень уместна строчка из Маяковского: «...значит – это кому-нибудь нужно?» Моя версия: не значит ли это, что пришла пора и в такой форме поведать соотечественникам о пользе консерватизма? А то полвека (от «Краткого курса» до Горбачёва) проповедовали, что «есть у революции начало – нет у революции конца», а потом закатали такую «перестройку» с «контрреволюцией», что до сих пор непонятно, что и думать.

Для меня замечательная книга Зверева о Сазонове – это и захватывающее чтение, расширяющее профессиональный кругозор, и «каверзные ответы» на вопросы о роли таких личностей в российской истории, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. Скажем, на «царя-миротворца» Александра III навешивался ярлык реакционера и ретрограда в вульгарно-марксистской версии истории Отечества по той простой причине, что он как мог препятствовал развитию капитализма в аграрно-крестьянском секторе народного хозяйства. Пришедшая на смену «марксизму» либеральная трактовка пореформенных событий оставила это клеймо в неприкосновенности, а вот Витте и Столыпина сделала едва ли не главными героями своего времени за то, что они не жалели сил в продвижении частного предпринимательства в сельском хозяйстве, частной собственности на землю и устранении общинных институтов крестьянства как главного препятствия на этом пути. Свое продолжение эта трогательная переключка коммунизма и антикоммунизма по аграрному вопросу нашла в

истории с разгромом идеологическими властями СССР «нового направления» в советской историографии в начале 60-х гг., представители которого доказывали, что никакого аграрного капитализма в истории России просто не существовало.

В этой связи мне представляется более чем актуальным изложение на страницах рецензируемого издания открытого письма Сазонова, этого «трубадура избранного правительством Александра III курса консервативной стабилизации страны» (с. 200), своему давнему знакомцу и некогда единомышленнику в вопросах общинно-крестьянской организации аграрного сектора экономики страны С.Ю. Витте (с. 269–286). Адресат подвергнут там жесткой критике за предательство идеалов общины как основы социально-экономического и политического строя страны – как в прошлом, так и в будущем. Думаю, что приходит время, когда мы должны читать такие документы не только в изложении (хотя комментарии автора глубоки и содержательны), но и в оригинале. Такая же мысль приходит мне в голову и относительно изложения доклада Сазонова Вольному Экономическому обществу на тему: «Быть или не быть общине?» (с. 194–200). Но тут проще: до этого текста можно добраться в сети Интернет.

Я коснулся некоторых из вопросов, которые интересны мне и на которые я нашел в книге В.В. Зверева не столько ответы, сколько дополнительный стимул к их дальнейшему поиску – в чем и «каверза». Уверен, что любой из коллег-историков обнаружит в этой книге нечто подобное и для себя. Уж во всяком случае, размышления автора о том, как, кем и зачем делается наука история (с. 36–38, далее – везде), никого из них не оставят равнодушными и в хорошем случае спровоцируют на новые отзывы в научной печати об опыте В.В. Зверева по составлению политической биографии Г.П. Сазонова.